

Материалы Крымской (Ялтинской) конференции

(4–11 февраля 1945 г.)

Касаясь толкования американских предложений, сделанных на заседании, Сталин говорит, что, как ему кажется, решения, принятые в Думбартон-Оксе, имеют своей целью обеспечить различным странам не только право высказывать свое мнение. Такое право дешево стоит. Его никто не отрицает. Дело гораздо серьезнее. Если какая-либо нация поднимет вопрос, представляющий для нее большую важность, она сделает это не для того, чтобы только иметь возможность изложить свое мнение, а для того, чтобы добиться решения по нему. Среди присутствующих нет ни одного человека, который оспаривал бы право наций высказываться в Ассамблее. Однако не в этом суть дела. Черчилль, по-видимому, считает, что если Китай поднимет вопрос о Гонконге, то он пожелает только высказаться. Неверно. Китай потребует решения. Точно так же если Египет поднимет вопрос о возврате Суэцкого канала, то он не удовлетворится тем, что выскажет свое мнение по этому поводу. Египет потребует решения вопроса. Вот почему сейчас речь идет не просто об обеспечении возможности излагать свои мнения, а о гораздо более важных вещах.

Черчилль высказывал опасение, как бы не подумали о том, что три великие державы хотят господствовать над миром. Но кто замышляет такое господство? Соединенные Штаты? Нет, они об этом не думают. *(Смех и красноречивый жест президента.)* Англия? Тоже нет. *(Смех и красноречивый жест Черчилля.)* Итак, две великие державы выходят из сферы подозрений. Остается третья... СССР. Значит, СССР стремится к мировому господству? *(Общий смех.)* Или, может быть, Китай стремится к мировому господству? *(Общий смех.)* Ясно, что разговоры о стремлении к мировому господству ни к чему. Его друг Черчилль не сможет назвать ни одной державы, которая хотела бы властвовать над миром.

Черчилль вставляет, что сам он не верит, конечно, в стремление к мировому господству со стороны кого-либо из трех союзников. Однако положение этих союзников столь могущественно, что другие могут так подумать, если не будут приняты соответственные предупредительные меры.

Сталин, продолжая свою речь, заявляет, что пока две великие державы приняли устав международной организации безопасности, который, по мнению Черчилля, защитит их от обвинений в желании властвовать над миром. Третья держава еще не дала своего согласия на этот устав. Однако он изучит предложения, сформулированные Стеттиниусом, и, возможно, тогда ему станет яснее, в чем тут дело. Он думает, однако, что перед союзниками стоят сейчас гораздо более серьезные проблемы, чем вопрос о праве наций на высказывание своего мнения или вопрос о стремлении трех главных держав к мировому господству.

Черчилль говорил, что нет оснований опасаться чего-нибудь нежелательного даже в случае принятия американских предложений. Да, конечно, пока все мы живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами. Мы не позволим, чтобы имела место новая агрессия против какой-либо из наших стран. Но пройдет 10 лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что мы пережили, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда? Мы как будто бы задаемся целью обеспечить мир по крайней мере на 50 лет вперед. Или, может быть, он, Сталин, думает так по своей наивности?

Самое же важное условие для сохранения длительного мира — это единство трех держав. Если такое единство сохранится, германская опасность не страшна. Поэтому надо подумать о том, как лучше обеспечить единый фронт между тремя державами, к которым следует прибавить Францию и Китай. Вот почему вопрос о будущем уставе международной организации безопасности приобретает такую важность. Надо создать

возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними. Это — главная задача.

Переходя более конкретно к вопросу о голосовании в Совете Безопасности, Сталин просит конференцию извинить его за то, что он не успел изучить во всех деталях документы, относящиеся к Думбартон-Оксу. Он был очень занят кое-какими другими делами и потому надеется на снисхождение со стороны британской и американской делегаций.

Рузвельт и Черчилль жестами и возгласами дают понять, что им хорошо известно, чем был так занят Сталин.

Сталин, продолжая, говорит, что, насколько он понимает, все конфликты, которые могут поступить на рассмотрение Совета Безопасности, подразделяются на две категории. К первой категории относятся те споры, для разрешения которых требуется применение экономических, политических, военных или каких-либо других санкций. Ко второй категории относятся те споры, которые могут быть урегулированы мирными средствами, без применения санкций. Правильно ли его понимание?

Рузвельт и Черчилль отвечают, что правильно.

Сталин далее заявляет, что, насколько он понял, при обсуждении конфликтов первой категории предполагается свобода дискуссий, но требуется единогласие постоянных членов Совета при принятии решения. В этом случае все постоянные члены Совета участвуют в голосовании, то есть держава, участвующая в споре, не будет выведена за дверь. Что же касается конфликтов второй категории, которые разрешаются мирными средствами, то тут предполагается иная процедура: держава, участвующая в споре (в том числе и постоянные члены Совета), не принимает участия в голосовании. Сталин спрашивает, правильно ли он понимает положение.

Рузвельт и Черчилль вновь подтверждают, что Сталин вполне правильно понимает положение.

Сталин, заканчивая, говорит, что Советский Союз обвиняют в излишнем заострении вопроса о голосовании в Совете Безопасности. Советский Союз упрекают в том, что он поднимает слишком большой шум по этому поводу. Да, Советский Союз действительно обращает большое внимание на процедуру голосования, ибо Советский Союз больше всего заинтересован в решениях, которые будет принимать Совет Безопасности. А ведь все решения принимаются с помощью голосования. Дискутировать можно сто лет и при этом ничего не решить. Для нас же важны решения. Да и не только для нас.

Вернемся на момент к приводившимся сегодня примерам. Если Китай потребует возвращения Гонконга или Египет потребует возвращения Суэцкого канала, то вопрос об этом будет голосоваться в Ассамблее и в Совете Безопасности. Сталин может заверить своего друга Черчилля в том, что Китай и Египет при этом окажутся не одиночками. В международной организации у них найдутся друзья. Это имеет прямое отношение к вопросу о голосовании.

Черчилль заявляет, что если бы названные страны потребовали удовлетворения своих претензий, то Великобритания сказала бы «нет». Власть международной организации не может быть использована против трех великих держав.

Сталин спрашивает, действительно ли это так.

Иден отвечает, что страны могут говорить, спорить, но решение не может быть принято без согласия трех главных держав.

Сталин еще раз спрашивает, действительно ли это так.

Черчилль и Рузвельт отвечают утвердительно.

Стеттиниус заявляет, что без единогласия постоянных членов Совет Безопасности не может предпринять никаких санкций.

Черчилль говорит, что международная организация безопасности не ликвидирует дипломатических отношений между великими и малыми странами. Дипломатическая

процедура будет продолжать свое существование. Будет неправильно преувеличивать власть или злоупотреблять ею или возбуждать такие вопросы, которые могут разъединить три главные державы.

Сталин говорит, что имеется другая опасность. Его коллеги не могут забыть того, что во время русско-финской войны англичане и французы подняли Лигу Наций против русских, изолировали Советский Союз и исключили его из Лиги Наций, мобилизовав всех против СССР. Надо создать преграду против повторения подобных вещей в будущем.

Иден заявляет, что этого не сможет случиться, если будут приняты американские предложения.

Черчилль подтверждает, что в указанном случае подобная опасность будет исключена.

...Черчилль спрашивает: нельзя ли сейчас обсудить польский вопрос?

Сталин и Рузвельт соглашаются с предложением Черчилля.

Рузвельт заявляет, что Соединенные Штаты находятся далеко от Польши, и он, Рузвельт, попросит двух других участников совещания изложить свои соображения. В Соединенных Штатах Америки проживают 5–6 миллионов лиц польского происхождения. Его, Рузвельта, позиция, как и позиция основной массы поляков, проживающих в Соединенных Штатах, совпадает с той позицией, которую он изложил в Тегеране. Он, Рузвельт, за линию Керзона. С этим, в сущности, согласно большинство поляков, но поляки, как и китайцы, всегда очень озабочены тем, чтобы «не потерять лицо».

Сталин спрашивает, о каких поляках идет речь: о настоящих или об эмигрантах? Настоящие поляки проживают в Польше.

Рузвельт отвечает, что все поляки хотят получить кое-что, чтобы спасти «свое лицо». Его положение как президента было бы облегчено, если бы Советское правительство дало полякам возможность сохранить «лицо». Было бы хорошо рассмотреть вопрос об уступках полякам на южном участке линии Керзона. Он, Рузвельт, не настаивает на своем предложении, но хочет, чтобы Советское правительство приняло это во внимание...

...Прежде всего о линии Керзона. Он, Сталин, должен заметить, что линия Керзона придумана не русскими. Авторами линии Керзона являются Керзон, Клемансо и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Русских не было на этой конференции. Линия Керзона была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше.

Советское правительство уже отступило от позиции Ленина. Что же, вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо. С каким лицом он, Сталин, вернулся бы тогда в Москву? Нет, пусть уж лучше война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счет Германии на западе.

...Другой вопрос, по которому Сталин хотел бы сказать несколько слов, — это вопрос о создании польского правительства. Черчилль предлагает создать польское правительство здесь, на конференции. Сталин думает, что Черчилль оговорился: как можно создать польское правительство без участия поляков? Многие называют его, Сталина, диктатором, считают его недемократом, однако у него достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать польское правительство без поляков. Польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия.

...В заключение Сталин хотел бы коснуться еще одного вопроса, очень важного вопроса, по которому он будет говорить уже в качестве военного. Чего он как военный

требует от правительства страны, освобожденной Красной Армией? Он требует только одного: чтобы это правительство обеспечивало порядок и спокойствие в тылу Красной Армии, чтобы оно предотвращало возникновение гражданской войны позади нашей линии фронта. В конце концов для военных довольно безразлично, какое это будет правительство; важно лишь, чтобы им не стреляли в спину. В Польше имеется варшавское правительство. В Польше имеются также агенты лондонского правительства, которые связаны с подпольными кругами, именующимися «силами внутреннего сопротивления». Как военный Сталин сравнивает деятельность тех и других и при этом неизбежно приходит к выводу: варшавское правительство неплохо справляется со своими задачами по обеспечению порядка и спокойствия в тылу Красной Армии, а от «сил внутреннего сопротивления» мы не имеем ничего, кроме вреда. Эти «силы» уже успели убить 212 военнослужащих Красной Армии. Они нападают на наши склады, чтобы захватить оружие. Они нарушают наши приказы о регистрации радиостанций на освобожденной Красной Армией территории. «Силы внутреннего сопротивления» нарушают все законы войны. Они жалуются, что мы их арестовываем. Сталин должен прямо заявить, что если эти «силы» будут продолжать свои нападения на наших солдат, то мы будем их расстреливать.

В конечном итоге, с чисто военной точки зрения варшавское правительство оказывается полезным, а лондонское правительство и его агенты в Польше — вредными. Конечно, военные люди всегда будут поддерживать то правительство, которое обеспечивает порядок и спокойствие в тылу, без чего невозможны успехи Красной Армии. Покой и порядок в тылу — одно из условий наших успехов. Это понимают не только военные, но даже и невоенные. Так обстоит дело.

Рузвельт предлагает отложить обсуждение польского вопроса до завтра.

Черчилль говорит, что у Советского правительства и британского правительства различные источники информации. Британское правительство не считает, что люблинское правительство представляет хотя бы 73 польского народа. Таково мнение британского правительства. Конечно, тут возможна ошибка. Нельзя, разумеется, верить каждому рассказу людей, приезжающих из Польши. Британское правительство хочет соглашения, так как опасается, что столкновения польской подпольной армии с люблинским правительством могут привести к кровопролитию и многочисленным арестам. Британское правительство признает, что нападения на Красную Армию в тылу недопустимы. Однако британское правительство не может считать, что у люблинского правительства имеются какие-либо основания рассматривать себя как опирающееся на широкую базу, поскольку, по крайней мере, можно судить по имеющейся у британского правительства информации, которая, конечно, может быть и небыстречна.

Рузвельт заявляет, что польский вопрос в течение пяти веков причинял миру головную боль.

Черчилль говорит, что надо постараться, чтобы польский вопрос больше не причинял головной боли человечеству.

Сталин отвечает, что это обязательно нужно сделать.

Источник: Крымская (Ялтинская) конференция трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1979. С. 93–103.